

*Николай Михайлович
Карамзин*

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В Д В Е Н А Д Ц А Т И Т О М А Х

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

(1776–1826)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Томы X—XII

Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

На корешках книг многотомника представлена
панорама *Фридриха Дюрфельда*.
Вид Кремля с Софийской набережной. 1790-е гг.

Карамзин, Николай Михайлович.

К21 История государства Российского. В двенадцати
томах. Тома X—XII / Н. М. Карамзин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-04-228564-6

210 лет назад отечественному читателю были представлены первые тома издания «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Публикация произвела ошеломляющее воздействие на современников. Карамзин стал первым, кто открыл отечественную историю для широкого круга российского общества. Впервые наши соотечественники узнали, что история России не менее занимательная и поучительная, чем мировая. А незаурядный литературный талант автора, изящество его стиля сделали это монументальное произведение величайшим достижением золотого века русской литературы. И сегодня 12-томное творение российского классика остается ярким, живым, уникальным явлением русской культуры.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-228564-6

© Составление, комментарии, иллюстрации, макет.
Fortune Triumph Ltd, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

TOM X

Глава I

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА. 1584–1587 гг.

*Свойства Феодоры.
Члены Верховной думы.
Волнение народа.
Собрание Великой думы земской.
Царевич Димитрий и мать его
отправляются в Узлич.
Мятеж в Москве.
Власть и свойства Годунова.
Царское венчание Феодорова.
Разные милости.
Годунов — правитель царства.
Умирение черемисского бунта.
Вторичное покорение Сибири.
Сношения с Англиею и с Литвою.
Заговор против Годунова.
Сравнение Годунова с Адашевым.
Перемирие с Швециею. Посольство
в Австрию. Возобновление дружества
с Даниею. Дела крымские. Посольство
в Константинополь. Царь Иверский,
или Грузинский, данник России.
Дела с Персиею. Дела внутренние.
Основание Архангельска.
Строение Белого, или Царева, города
в Москве. Начало Уральска.
Опасности для Годунова.
Ссылки и казнь.
Жалостная смерть героя Шуйского.
Судьба Магнусова семейства.
Праздность Феодорова.*

«Первые дни по смерти тирана (говорит римский историк) бывают счастливейшими для народов», ибо конец страдания есть живейшее из человеческих удовольствий.

Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в послабление, вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тем более что знали необыкновенную кротость наследника Иоаннова, соединенную в нем с умом робким, с набожностью беспредельною, с равнодушием к мирскому величию. На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника* и *молчальника*, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так, в часы искренности, говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого старшего сына. Не наследовав ума царственного, Феодор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах — одним словом, изъясняя в себе преждевременное из-

неможение сил естественных и душевных. Угадывая, что сей двадцатисемилетний государь, осужденный природою на всегдашнее малолетство духа, будет зависеть от вельмож или монахов, многие не смели радоваться концу тиранства, чтобы не пожалеть о нем во дни безначалия, козней и смут боярских, менее губительных для людей, но еще бедственнейших для великой державы, устроенной сильною, нераздельною властью царскою... К счастью России, Феодор, боясь власти, как опасного повода к грехам, вверил кормило государства руке искусной — и сие царствование, хотя не чуждое беззаконий, хотя и самым ужасным злодейством омраченное, казалось современникам милостию Божию, благоденствием, златым веком, ибо наступило после Иоаннова!

Новая пентархия, или Верховная дума, составленная умирающим Иоанном из *пяти вельмож*, была предметом общего внимания, надежды и страха. Князь Мстиславский отличался единственно знатностию рода и сана, будучи старшим боярином и воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали как брата незабвенной Анастасии и дядю государева, любили как вельможу благодушного, не очерненного даже и злословием в бедственные времена кровопийства. В князе Шуйском чтили славу великого подвига ратного, отважность и бодрость духа. Бельского, хитрого, гибкого, ненавидели как первого любимца Иоаннова. Уже знали редкие дарования Годунова и тем более опасались его, ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Малюты Скура-

това, свойственником и другом (едва ли искренним) Бельского. — Прияв власть государственную, дума Верховная в самую первую ночь (18 марта) выслала из столицы многих известных услужников Иоанновой лютости, других заключила в темницы, а к родственникам вдовствующей царицы, Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых умыслах (вероятно, в намерении объявить юного Димитрия наследником Иоанновым). Москва волновалась, но бояре утишили сие волнение: торжественно присягнули Феодору вместе со всеми чиновниками и в следующее утро письменно обнародовали его воцарение. Отряды воинов ходили из улицы в улицу; пушки стояли на площадях. Немедленно послав гонцев в области с указом молиться о душе Иоанновой и счастливом царствовании Феодора, новое правительство созвало Великую думу земскую, знатнейшее духовенство, дворянство и всех людей именитых, чтобы взять некоторые общие меры для государственного устройства. Назначили день царского венчания, соборною грамотою утвердили его священные обряды, рассуждали о благосостоянии державы, о средствах облегчить народные тягости. Тогда же послали вдовствующую царицу с юным сыном, отца ее, братьев, всех Нагих, в город Углич, дав ей царскую службу, стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для оберегания. Добрый Феодор, нежно прощаясь с младенцем Димитрием, обливался горькими слезами, как бы неволью исполняя долг болезненный для своего сердца. Сие удаление царевича, единственного наследника державы, могло казаться бле-

Наследникъ грознаго Феодораъ Иоанновича, слабый тѣломъ, тихій нравомъ, посвѣтилъ всю жизнь молитвамъ и посѣщенію монастырей, представлялъ управленіе дѣлами ширинѣ своему, Борису Годунову. Въ его царствованіе состоялись: вбѣденіе Патриаршества и прикрѣпленіе крестьянъ въ Уланчѣ палъ отъ рѣки вѣицъ Дмитрій, братъ Феодора, и народъ биниизъ въ этомъ престѣпленіи Годунова.

Царь Феодоръ Иоанновичъ.

Царь всея Руси и великий князь московский Федор I Иванович.
Рисунок В. П. Верещагина из альбома «История государства Российского
в изображениях его державных правителей». 1890 г.

стящую ссылкой, и пестун Димитриев, Бельский, не желая в ней участвовать, остался в Москве: он надеялся законодательствовать в Думе, но увидел грозу над собою.

Между тем как Россия славилла благие намерения новаго правительства, в Москве коварствовали зависть и незаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному монарху, а скоро

наименовали и человека, готоваго злодейством изумить Россію: сказали, что Бельскій, будто бы отравивъ Иоанна, мыслитъ погубить и Феодора, умертвить всех бояръ, возвести на престолъ своего друга и советника — Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйских, а Ляпуновых и Кикиных, дворян рязанских, их орудіями, возмутителями народа легковернаго, котораго, принявъ ону

за истину, хотел усердием спасти царя и царство от умыслов изверга. Вопль бунта раздался из конца в конец Москвы, и двадцать тысяч вооруженных людей, чернь, граждане, дети боярские, устремились к Кремлю, где едва успели затворить ворота, собрать несколько стрельцов для защиты и Думу для совета в опасности внезапной. Мятежники овладели в Китае-городе тяжелым снарядом, обратили царь-пушку к воротам Флоровским и хотели разбить их, чтобы вломиться в крепость. Тогда государь выслал к ним князя Ивана Мстиславского, боярина Никиту Романовича, дьяков Андрея и Василия Щелкаловых, спросить, что виною мятежа и чего они требуют? «Бельского! — отвечивал народ. — Выдайте нам злодея! Он мыслит извести царский корень и все роды боярские!» В тысячу голосов вопили: «Бельского!» Сей несчастный вельможа, изумленный обвинением, уstraшенный злобою народа, искал безопасности в государевой спальне, трепетал и молил о спасении. Феодор знал его невинность, знали оную и бояре, но, искренно или притворно ужасаясь кровопролития, вступили в переговоры с мятежниками, склонили их удовольствоваться ссылкой мнимого преступника и немедленно выслали Бельского из Москвы. Народ, восклицая: «Да здравствует царь с верными боярами!» — мирно разошелся по домам, а Бельский с того времени воеводствовал в Нижнем Новгороде.

От такой постыдной робости, от такого уничтожения самодержавной власти чего ожидать надлежало! Козней в Думе, своевольства в народе, беспо-

рядка в правлении. Бельского удалили: Годунов остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая в нем царицына брата, но он видел умысел клеветников, видел, что дерзкие виновники сего возмущения готовят ему гибель, и думал о своей безопасности. Дотоле дядя царский, по древнему уважению к родственному старейшинству, мог считать себя первым вельможею — так мыслил и двор и народ; так мыслил и лукавый дьяк государственный, Андрей Щелкалов, стараясь снискать доверенность боярина Юрьева и надеясь вместе с ним управлять Думою. Знали власть Годунова над сестрою нежною, добродетельною Ириною, уподобляемую летописцами Анастасии (ибо тогда не было иного сравнения в добродетелях женских); знали власть Ирины над Феодором, который в сем мире истинно любил, может быть, одну супругу, но Годунов, казалось, выдал друга: радовались его бессилию или боязливости, не угадывая, что он, вероятно, притворствовал в дружбе к Бельскому, внутренно опасаясь в нем тайного союзнника, и воспользуется сим случаем для утверждения своего могущества, ибо Феодор мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежом, видя необходимость мер строгих для государственного устройства и не имея ни проицания в уме, ни твердости в воле, искал более нежели советника или помощника: искал, на кого возложить всю тягость правления, с ответственностию пред единым Богом, и совершенно отдался смелому честолюбцу, ближайшему к сердцу его милой супруги. Без всякой хитрости, следуя

единственно чувству, зная ум, не зная только злых, тайных наклонностей Годунова, Ирина утвердила союз между царем, неспособным властвовать, и подданным, достойным власти. Сей муж знаменитый находился тогда в полном цвете жизни, в полной силе телесной и душевной, имея 32 года от рождения. Величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис не имел только... добродетели; хотел, умел благотворить, но единственно из любви ко славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели; если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире, но, рожденный подданным, с необузданною страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодною, — и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову.

Первым действием Годунова было наказание Ляпуновых, Кикиных и других главных возмутителей московской черни: их послали в дальние города и заключили в темницы. Народ молчал или славил правосудие царя; двор угадывал виновника сей законной строгости и с беспокойством взирал на Бориса, коего решительное владычество открылось не прежде Феодорова царского венчания, отложенного, ради шестинедельного моления об усопшем венценосце, до 31 мая [1584 г.].

В сей день, на самом рассвете, сделалась ужасная буря, гроза, и ливный

дождь затопил многие улицы в Москве, как бы в предзнаменование грядущих бедствий; но суеверие успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце воссияло на чистом небе. Собралось бесчисленное множество людей на Кремлевской площади, так что воины едва могли очистить путь для духовника государева, когда он нес, при звоне всех колоколов, из царских палат в храм Успения *святыню Мономахову*, животворящий крест, венец и бармы (Годунов нес за духовником скипетр). Невзирая на тесноту беспримерную, все затихло, когда Феодор вышел из дворца со всеми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: государь в одежде небесного цвета, придворные в златой — и сия удивительная тишина провожала царя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания, ибо всем россиянам дозволялось видеть священное торжество России, единого семейства под державою отца-государя. Во время молебна окольные и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «Благоговейте и молитесь!» Царь и митрополит Дионисий сели на изготовленных для них местах, у врат западных, и Феодор среди общего безмолвия сказал первосвятителю: «Владыко! родитель наш, самодержец Иоанн Васильевич, оставил земное царство и, приив ангельский образ, отошел на Царство Небесное, а меня благословил державою и всеми хоругвями государства; велел мне, согласно с древним уставом, помазаться и венчаться царским венцем, диадемою и святыми бармами: завещание его известно духовенству, боярам и народу.

И так, по воле Божией и благословению отца моего, соверши обряд священный, да буду царь и помазанный!» Митрополит, осенив Феодора крестом, отвечал: «Господин, возлюбленный сын церкви и нашего смирения, Богом избранный и Богом на престол возведенный! данною нам благодатию от Святого Духа помазуем и венчаем тебя, да именуешься самодержцем России!» Возложив на царя животворящий крест Монахов, бармы и венцы на главу, с молением, да благословит Господь его правление, Дионисий взял Феодора за десницу, поставил на особенном царском месте и, вручив ему скипетр, сказал: «Блюди хоругов великие России!» Тогда архидиакон на амвоне, священники в алтаре и клиросы возгласили многолетие царю венчанному, приветствуемому духовенством, сановниками, народом с изъявлением живейшей радости; и митрополит в краткой речи напомнил Феодору главные обязанности венценосца: долг хранить Закон и царство, *иметь духовное повиновение к святым и веру к монастырям*, искреннее дружество к брату, *уважение к боярам, основанное на их родовом старейшинстве*, милость к чиновникам, воинству и всем людям. «Цари нам вместо Бога, — продолжал Дионисий, — Господь вверяет им судьбу человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла; да спасают мир от тревожения и да боятся *серпа небесного!* Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр, или следуй мудрым; будь добродетелен, ибо едина добродетель украшает царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли бла-

говления небесного? благоволи о поданных... Не слушай злых клеветников, о царь, рожденный милосердым!.. Да цветет во дни твои правда; да успокоится отечество!.. И возвысит Господь царскую десницу твою над всеми врагами, и будет царство твое мирно и вечно в род и род!»

Тут, проливая слезы умиления, все люди воскликнули: «Будет и будет многолетно!» — Феодор, в полном царском одеянии, в короне Мономаховой, в богатой мантии и держа в руке длинный скипетр (сделанный из драгоценного китового зуба), слушал литургию, имея вид утомленного. Пред ним лежали короны завоеванных царств, а подле него, с правой стороны, как ближний вельможа, стоял Годунов — дядя Феодоров, Никита Романович Юрьев, наряду с другими боярами. Ничто, по сказанию очевидцев, не могло превзойти сего торжества в великолепии. Амвон, где сидел государь с митрополитом, налож, где лежала утварь царская, и места для духовенства были устланы бархатами, а помост церкви коврами персидскими и красными сукнами английскими. Одежды вельмож, в особенности Годунова и князя Ивана Михайловича Глинского, сияли алмазами, яхонтами, жемчугом удивительной величины, так что иноземные писатели ценят их в миллионы. Но всего более торжество украшалось веселием лиц и знаками живейшей любви к престолу. — После херувимской песни митрополит, в дверях царских, возложил на Феодора *Мономахову цепь аравийского злата*; в конце же литургии помазал его святым миром

и причастил *Святых Тайн*. В сие время Борис Годунов держал скипетр, Юрьев и Димитрий Иванович Годунов (дядя Ирины), венец царский на златом блюде. Благословенный Дионисием и в южных дверях храма осыпанный деньгами, Феодор ходил поклониться гробам предков, моляся, да наследует их государственные добродетели. Между тем Ирина, окруженная боярынями, сидела в *короне* под растворенным окном своей палаты и была приветствуема громкими восклицаниями народа: «Да здравствует царица!» В тронной вельможи и чиновники целовали руку у государя, в столовой палате с ним обедали, равно как и все знатное духовенство. Пир, веселия, забавы народные продолжались целую неделю и заключились воинским праздником вне города, где, на обширном лугу, в присутствии царя и всех жителей московских, гремело 170 медных пушек, пред осмью рядами стрельцов, одетых в тонкое сукно и в бархат. Множество всадников, также богато одетых, провождало Феодора.

Одарив митрополита, святителей и сам приняв дары от всех людей чиновных, гостей и купцов, российских, английских, нидерландских, нововенчанный царь объявил разные милости: уменьшил налоги; возвратил свободу и достояние многим знатым людям, которые лет двадцать сидели в темнице; исполняя завещание Иоанново, освободил и всех военнопленных; наименовал боярами князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Ивановичей Шуйских, Никиту Трубецкого, Шестунова, двух Куракиных, Федора Шереметева

и трех Годуновых, внучатых братьев Ирины; пожаловал герцогу, князю Ивану Петровичу Шуйскому, все доходы города Пскова, им спасенного. Но сии личные милости были ничто в сравнении с теми, коими Феодор осыпал своего шурина, дав ему все, что подданный мог иметь в самодержавии: не только древний знатный сан конюшого, в течение семнадцати лет никому не жалованный, но и титул *ближнего великого боярина*, наместника двух царств, Казанского и Астраханского. Беспремерному сану ответствовало и богатство беспремерное: Годунову дали, или Годунов взял себе, лучшие земли и поместья; доходы области Двинской, Ваги; все прекрасные луга на берегах Москвы-реки, с лесами и пчельниками; разные казенные сборы московские, рязанские, тверские, северские, сверх особенного денежного жалованья, что, вместе с доходом его родовых отчин в Вязьме и Дорогобуже, приносило ему ежегодно не менее осьми или девяти сот тысяч нынешних рублей серебряных,— богатство, какого от начала России до наших времен не имел ни один вельможа, так что Годунов мог на собственном иждивении выводить в поле до ста тысяч воинов! Он был уже не временщик, не любимец, но властитель царства. Уверенный в Феодоре, Борис еще опасался завистников и врагов, для того хотел изумить их своим величием, чтобы они не дерзали и мыслить об его низвержении с такой высокой степени, недоступной для обыкновенного честолюбия вельмож-царедворцев.

Действительно, изумленные, сии завистники и враги несколько време-

Сибирский поход войска князя
Ивана Мансурова в 1585 году.
Основание Обского городка.

Гравюра из Ремезовской летописи. Конец XVII в.

ни злобились втайне, безмолвствуя, но вымышляя удар, а Годунов, со рвением души славолубивой, устремился к великой цели — делами общественной пользы оправдать доверенность царя, заслужить доверенность народа и признательность отечества. *Пентархия*, учрежденная Иоанном, как тень исчезла; осталась древняя дума Царская, где Мстиславский, Юрьев, Шуйский судили наряду с иными боярами, следуя мановению *правителя*, ибо так современники именовали Бориса, который один, в глазах России, смело правил рулем государственным, повелевал именем царским, но действовал своим умом, имея советников, но не имея ни совместников, ни товарищей.

Когда Феодор, утомленный мирским великолепием, искал отдохновения в на-

божности; когда, прервав блестящие забавы и пиры, в виде смиренного богомольца ходил пешком из монастыря в монастырь, в лавру Сергиеву и в иные святые обители, вместе с супругою, провождаемою знатнейшими боярынями и целым полком особенных царицыных телохранителей (пышность новая, изобретенная Годуновым, чтобы вселить в народ более уважения к Ирине и к ее роду), в то время правительство уже неусыпно занималось важными делами государственными, исправляло злоупотребления власти, утверждало безопасность внутреннюю и внешнюю. Во всей России, как в счастливые времена князя Ивана Бельского и Адашева, сменили худых наместников, воевод и судей, избрав лучших; грозя казнию за неправду, удвоили жалованье чиновников, чтобы они могли пристойно жить без лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, где надлежало восстановить честь оружия или спокойствие отечества. Начали с Казани. Еще лилась кровь россиян на берегах Волги и бунт кипел в земле черемисской — Годунов более умом, нежели мечем, смирил мятежников, уверив их, что новый царь, забывая старые преступления, готов, как добрый отец, миловать и виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Борис велел строить крепости на Горной и Луговой стороне Волги: Цывиальск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурек и другие, населил оные россиянами, и тем водворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной.

Усмирив Казанское царство, Годунов довершил завоевание Сибирского. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшение его сил от болезней и голода, он немедленно послал туда воеводу Ивана Мансурова с отрядом стрельцов, а вслед за ним и других, Василия Сукина, Ивана Мясного, Данила Чулкова с знатным числом ратников и с огнестрельным снарядом. Первый встретил наших сибирских витязей, атамана Матвея Мещеряка с остатком Ермаковых сподвижников, на реке Туре. «Добле казаки ожили радостью», — говорит летописец, — не боясь новых опасностей и битв, ужасаясь единственно мысли явиться в отечестве бедными изгнанниками, с вестием о завоевании утраченном, они, исполненные мужества и надежды, возвратились к устью Тобола, но не могли взять Искера, где властвовал уже не старец Кучум, а юный, бодрый князь Сейдяк, его победитель; сведав об бегстве казаков, он собрал толпы ногаев, преданных ему татар сибирских, выгнал Кучума и, слыша о новом приближении россиян, стоял на берегу Иртыша с войском многочисленным, готовый к усильному бою. Казаки предложили Мансурову плыть далее Иртышом, несмотря на осеннее время, холод и морозы. Там, где сия река впадает в Обь, они вышли на берег и сделали деревянную крепость; пишут, что остяки, думая взять оную, принесли с собою славного белогорского идола, или *шайтана*, начали ему молиться под деревом и разбежались от ужаса, когда россияне пушечным выстрелом сокрушили сей кумир обожаемый. — Воеводы Сукин и Мясной остано-

Василий Сукин, Иван Мясной, Данило Чулков ставят Тюменский острог.
Гравюра из Ремезовской летописи. Конец XVII в.

лись на берегу Туры и на месте городка Чингя основали нынешний Тюмень. Чулков же, не находя сопротивления или преодолев оное, заложил Тобольск и в нем первую церковь христианскую (в 1587 году); известил о том воеводу Мансурова, атамана Мещеряка, соединился с ними, разбил князя Сейдяка, дерзнувшего приступить к Тобольской крепости, взял его в плен раненого, весь обоз, все богатство и сею победою, которая стоила жизни последнему Ермакову атаману, Никите Мещеряку, довершил падение ногайского Иртышского царства.

Искер опустел, и Тобольск сделался новою столицей Сибири. Другое же, менее вероятное предание славит не мужество, а хитрость воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнав, как пишут, что Сейдяк, друг его, царевич

Киргизский Ураз-Магмет, и Мурза-Кара-рача вышли из Искера с пятьюстами воинами и на *Княжеском лугу*, близ Тобольска, увеселяются птичьей ловлею, воевода пригласил их к себе в гости, связал и послал в Москву. — Еще изгнанник Кучум держался с шайками ногаев Тайбугина улуса в степи Барабинской, жег селения, убивал людей в волостях Курдацкой, Салынской, в самых окрестностях Тобола; чтобы унять сего разбойника, новый сибирский воевода, князь Кольцов-Мосальский, ходил во глубину пустынь Ишимских и близ озера Чили-Кула (1 августа 1591) истребил большую часть его конницы, захватив двух жен ханских и сына, именем Абдул-Хаира. Тщетно государь, желая водворить тишину в своем новом, отдаленном царстве, предлагал Кучуму жалованье, города и волости в России; обещал даже оставить его царем в земле Сибирской, если он с покорностью явится в Москве. О том же писал к отцу и пленник Абдул-Хаир, слава великодушные Феодора, который дал ему и царевичу Маметкулу богатые земли в собственности, *любя житье смертных и миловать виновных.*

Оставленный двумя сыновьями, ногайскими союзниками и знатным Чин-мурзою (который выехал к нам вместе с матерью царевича Маметкула), Кучум гордо отвечивал на предложения Феодоровы: «Я не уступал Сибири Ермаку, хотя он и взял ее. Желая мира, требую иртышского берега». Но бессильная злоба Кучумова не мешала россиянам более и более укрепляться в Сибири заложением новых городов от реки Печоры до Кети и Тары, для безопас-

ного сообщения с Пермью и с Уфюю, тогда же построенною, вместе с *Самарою*, для обуздания ногаев. В 1592 году, при тобольском воеводе князе Федоре Михайловиче Лобанове-Ростовском, были основаны Пельым, Березов, Сургут; в 1594 — Тара; в 1596 — Нарым и Кетский острог, неодолимые твердыни для диких остяков, вогуличей и всех бывших Кучумовых улусников, которые иногда еще мыслили о сопротивлении, изменяли и не хотели платить ясака: так в грамотах царских упоминается о мятеже пельымского князя Аблегирима, коего велено было воеводе нашему схватить хитростию или силою и казнить вместе с сыном и с пятью или шестью главными бунтовщиками вогульскими. Кроме воинов, стрельцов и казаков, Годунов посылал в Сибирь и земледельцев из Перми, Вятки, Каргополя, из самых областей московских, чтобы населить пустыни и в удобных местах завести пашню. Распоряжениями благородными, обдуманными, без усилий тягостных, он навеки утвердил сие важное приобретение за Россию, в обогащение государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышленности народной. Около 1586 года Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 лисиц черных и 500 000 белок, кроме бобров и горностаев.

Абдул-Хаир (ок. 1575 — после 1599) — сын сибирского царя Кучума. В 1591 г. был взят в плен воеводой князем В. Кольцовым-Мосальским. В 1597 г. обратился к отцу с призывом покориться царю Федору Иоанновичу и вновь стать правителем Сибири — в качестве русского вассала. В 1599 г. был отвезен в Москву, где принял православие под именем Андрей.

В делах внешней политики Борис следовал правилам лучших времен Иоанновых, изъясняя благоразумие с решительностью, осторожность в соблюдении целостности, достоинства, величия России. Два посла были в Москве свидетелями Феодорова воцарения: Елисаветин и литовский. «Кончина Иоаннова (пишет Баус) изменила обстоятельства и предала меня в руки главным врагам Англии: боярину Юрьеву и дьяку Андрею Щелкалову, которые в первые дни нового царствования овладели Верховною думою. Меня не выпускали из дому, стращали во время бунта московского, и Щелкалов велел мне сказать в насмешку: *Царь Английский умер!* Борис Годунов, наш доброжелатель, еще не имел тогда власти». В начале мая объявили Баусу, что он может ехать назад в Англию; представили его царю, отпустили с честью, с дарами и с дружелюбным письмом, в коем Феодор говорил Елисавете: «Хотя дело о сватовстве и тесном союзе с Англиею кончилось смертью моего родителя, однако ж искренно желаю твоей доброй приязни, и купцы лондонские не лишаются выгод, данных им последнею жалованною грамотою». Но Баус в безрассудной досаде не хотел взять ни письма, ни даров царских, оставил их в Колмогорах и вместе с медиком Робертом Якоби уехал из России. Удивленный такою дерзостью, Феодор послал гонца Бекмана к королеве, жаловался на Бауса, снова предлагал ей дружбу, обещая милость купцам английским, с условием, чтобы и наши могли свободно торговать в Англии.

Сей гонец долго жил в Лондоне, не видя Елисаветы; наконец увидел в саду, где и вручил ей письмо государево. «Для чего нынешний царь (спросила королева) не любит меня? Отец его был моим другом, а Феодор гонит наших купцев из России». Слыша от Бекмана, что царь не гонит их, но жалуется и что они платят казне вдвое менее иных чужеземных купцев в России, Елисавета написала в ответ к Феодору. «Брат любезнейший! с неизъяснимою скорбью узнала я о преставлении великого государя, отца твоего, славныя памяти, и моего нежнейшего друга. В его время смелые англичане, открыв морем неизвестный дотоле путь в отдаленную страну вашу, пользовались там важными правами и если обогащались, то не менее и Россию обогащали, благодарно хваляся покровительством Иоанновым. Но имею утешение в печали: гонец твой уверил меня, что сын достоин отца, наследовав его правила и дружество к Англии. Тем более сожалею, что посол мой Баус заслужил твое негодование: муж испытанный в делах государственных, как здесь, так и в иных землях, — всегда скромный и благоразумный. Удивляюсь, хотя и верю твоим жалобам, которые могут быть изъяснены досадами, сделанными ему одним из твоих советников думных (дьяком Щелкаловым), явным доброхотом гостей немецких. Но взаимная наша любовь не изменится от сей неприятности. Требуешь свободной торговли для купцев российских в Англии, чего никогда не бывало и что несовместно с пользою наших, но мы и тому не противимся, если ты исполнишь обещание Иоанново и дашь новую жалованную

грамоту для исключительной торговли в своем царстве *Обществу* лондонских купцев, нами учрежденному, не позволяя участвовать в ее выгодах *другим англичанам*».

Не весьма довольный ответом Елисаветы, ни холодным приемом Бекмана в Лондоне, но желая сохранить полезную связь с ее державою, царь велел (в сентябре 1585 года) ехать к королеве английскому купцу, Иерониму Горсею, чтобы объяснить с нею удовлетворительнее и выбором такого посланника доказать ей искренность нашего доброго расположения. «Пределы России,— писал Феодор к Елисавете с Горсеем,— открыты для вольной торговли всех народов, сухим путем и морем. К нам ездят купцы султановы, цесарские, немецкие, испанские, французские, литовские, персидские, бухарские, хивинские, шамахинские и многие иные, так что можем обойтись и без англичан и в угодность им *не затворим дорог* в свою землю. Для нас все равны, а ты, слушаясь корыстолюбивых гостей лондонских, не хочешь равнять с ними и других своих подданных! Говоришь, что у вас никогда не бывало наших людей торговых — правда, ибо они и дома торгуют выгодно; следственно, могут и впредь не ездить в Англию. Мы рады видеть купцев лондонских в России, если не будешь требовать для них исключительных прав, несогласных с уставами моего царства». Сии Феодоровы мысли о вольной торговле удивили английского историка, Юма, который находил в них гораздо более истины и проницания, нежели в Елисаветиных понятиях о купечестве.

Но Елисавета настояла: извиняясь пред Феодором, что важные государственные дела мешали ей входить в дальние объяснения с Бекманом и что она виделась с ним только в саду, где обыкновенно *гуляет и беседует с людьми ближними*, королева уже не требовала монополии для купцев лондонских: убеждала царя единственно освободить их от платежа тягостных пошлин — и, сведав от Горсея все обстоятельства двора московского, писала особенно к царице и к брату ее, именуя первую *любезнейшею кровною сестрою*, а Годунова *родным приятелем*; славил ум и добродетель царицы; уведомляла, что из дружбы к ней снова отпускает в Москву медика своего Якоби, особенно искусного в целении женских и *родильных* болезней; благодарила Годунова за доброхотство к англичанам, надеясь, что он, как муж ума глубокого, будет и впредь их милостивцем, сколько в одолжение ей, столько и для истинных выгод России. Так хитрила Елисавета — и не бесполезно: царица приняла ее ласковую грамоту с любовью, Годунов с живейшим удовольствием и (в 1587 году) дал право англичанам торговать беспошлинно (лишив казну более двух тысяч фунтов стерлингов ежегодного доходу), с обязательством: 1) не привозить к нам чужих изделий; 2) не рассылать закупщиков по городам, но лично самим меняться товарами; 3) не продавать ничего в розницу, а только оптом: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами и проч.; 4) не отправлять людей своих сухим путем в Англию без ведома государева; 5) в тяжбах с россиянами зависеть от суда царских казначеев и дьяка посольского.

Прогулка
английской
королевы
Елизаветы I
в паланкине
в сопровождении
придворных.
Художник Р. Пик
Старший. 1600 г.

Честолюбивый Борис не усомнился известить королеву, что он доставил сии выгоды гостям лондонским, чувствуя ее милость, и желает всегда блюсти их под своею рукою, в надежде, что они будут вести себя тихо, честно, без обманов, не мешая испанцам, французам, немцам, ни другим англичанам торговать в наших пристанях и городах: «Ибо море Океан есть путь Божий, всемирный, незаградимый». Здесь в первый раз видим вельможу российского в переписке с иноземным венценосцем, чего дотоле не терпела осторожная политика наших царей. В то же время получив бумагу от министров Елисаветиных о разных неумеренных требованиях их купечества, Годунов велел дьяку Щелкалову написать в ответ, что все возможное для Англии сделано, а более уже ничего не сделается, что им стыдно беспокоить *такого великого человека* суесловием и что шурина царскому, знаменитейшему боярину великой державы Российской, неприлично самому отвечать

на бумагу нескромную. Высоко ценя благосклонность славной королевы и чувствительный к ее лести, Годунов знал, однако ж, меру угождения. Англичане старались низвергнуть ненавистного для них Щелкалова, но Борис, уважая его опытность и способности, вверял ему все дела иноземные и дал новое, знаменитое титуло дьяка *ближнего*.

Еще гораздо важнее и затруднительнее были для нас сношения с Литвою, ибо Стефан, как бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпеливо хотел довершить начатое: возвысить державу свою унижением России и, считая Ливонию только задатком, а мир отдохновением, мечтал о восстановлении древних границ Витовтовых на берегах Угры. Посол его, Сапега, узнав в Москве о кончине Иоанновой, сказал боярам, что он без нового королевского наказа не может видеть нового царя, ни говорить с ними о делах; ждал сего наказа три месяца и, представленный Феодору (22 июня), объявил ему за тайну, будто бы в знак

искреннего доброжелательства, о намерении султана воевать Россию — то есть Баторий хотел испугать Феодора и страхом расположить к уступчивости против Литвы!.. Во время сего пышного, как обыкновенно, представления царь сидел на троне с державою и скипетром; близ него стояли рынды в белой одежде и в *златых цепях*, у трона *один* Годунов: все иные вельможи сидели далее. Но послу оказали честь без ласки: не приглашенный Феодором к обеду, он с сердцем уехал домой и не впустил к себе чиновника с блюдами стола царского. Начав переговоры, Сапега требовал, чтобы Феодор дал королю 120 тысяч золотых за наших пленников, освободил литовских без выкупа, удовлетворил всем жалобам его подданных на россиян и не именовал себя в государственных бумагах *ливонским* князем, если не желает войны, ибо смерть Иоаннова, как думал Баторий, уничтожила договор Запольский. Ему ответствовали, что Феодор, движимый единственно чело-веклобием, уже освободил 900 военнопленных, поляков, венгров, немцев, в день своего царского венчания; что мы ожидаем такого же христианского дела от Стефана; что справедливые жалобы литовские не останутся без удовлетворения; что сын Иоаннов, наследовав державу, наследовал и титул отца, который именовался *Ливонским*. Вследствие многих прений Сапега заключил с боярами мирное условие только на десять месяцев, а царь послал боярина, князя Федора Михайловича Троекурова, и думного дворянина, Михаила Безнина, в Варшаву, чтобы склонить короля к истинному миролюбию. Но Стефан

более нежели когда-нибудь хотел войны и чаял в ней успеха, сведав, что делалось тогда в Москве, и с прибавлениями, внушенными злобою.

Сапега Лев Иванович (1557–1633) — государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, дипломат. Как королевский писарь при Стефане Батории, участвовал в создании Главного трибунала Великого княжества Литовского (1581). Удачно проявил себя на заключительном этапе Ливонской войны (1558–1583). Подканцлер (1585–1589) и великий канцлер Великого княжества Литовского (1589–1623). Возглавлял посольства в Москву, заключавшие мирные договоры с Федором Иоанновичем и Борисом Годуновым. В Смутное время участвовал в подготовке интервенции войск Речи Посполитой в Московское царство, поддерживал Лжедмитриев I и II. С 1625 г. и до конца жизни — великий гетман (т. е. военный министр и главнокомандующий) Великого княжества Литовского. Эта должность позволяла ему принимать решения практически независимо от короля Польского и великого князя Литовского.

Годунов, стараясь деятельным, мудрым правлением заслуживать благодарность отечества, а ласками приязнь главных бояр, спокойно властвовал 16 или 17 месяцев, презирал недоброжелателей, имея в руке своей сердце государево и, снискав особенную дружбу двух знаменитейших вельмож, Никиты Романовича Юрьева и князя Ивана Федоровича Мстиславского, один правительствовал, но советовался с ними, удовлетворяя тем их умеренному честолюбию. Сия счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева, ибо слабодушный князь Мстиславский, хотя и *названный отец Борисов*, будучи обманут кознями врагов его — Шуйских, Воротынских,